

Горюнов Алексей Владимирович, Никишкин Александр Владимирович

ФОРМЫ И ВИДЫ ПОНИМАНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

В статье рассматривается роль понимающих процедур в структуре научного и, прежде всего, гуманитарного познания. Вводится разграничение герменевтических процедур на смысловывявляющие, смыслонаделяющие и смыслополагающие, а также разграничиваются такие формы понимания, как истолкование, интерпретация и объяснение. В качестве иллюстрации в работе рассматривается гносеологическая структура исторического исследования. Особое внимание уделяется вопросам о значении теории, а также о соотношении выявленных смыслов и смыслов, полагаемых субъектом для указанных форм понимания. В заключении статьи формулируется критерий разграничения гуманитарного и естественно-научного познания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 34-40. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. Данилов В. П. Введение: истоки и начало деревенской трагедии // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 - ноябрь 1929.
4. Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 343 с.
5. Роголина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX в. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.
6. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2004.
7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: документы и материалы: в 4-х т. М.: РОССПЭН, 2000.
8. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2.
9. Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг.: хроникально-документальный сборник. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2006. 260 с.
10. Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 287 с.

LIQUIDATION OF MARKET RELATIONS IN COUNTRYSIDE AND GRAIN PROCUREMENT CAMPAIGN OF 1927-1928 (BY OREL PROVINCE MATERIALS)

Irina Valentinovna Goncharova

Department of Russian History

Orel State University

snotra@orel.ru

In the article the crisis of grain procurement campaign in Orel province in 1927-28 is considered. The author analyzes the crisis reasons, the ways of its overcoming, its subsequent influence on the agrarian sector development and the liquidation of market relations in the countryside. Special attention is also paid to the world-view breaking of the most typical representatives of the analyzed reference groups. The conclusion is made that grain procurement crisis in the province was provoked by the authorities as one of the instruments of influencing peasantry.

Key words and phrases: grain procurement crisis; peasantry; Orel province; authorities; repressions; kulak (wealthy peasant); Article 107 of Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

УДК 165.1

В статье рассматривается роль понимающих процедур в структуре научного и, прежде всего, гуманитарного познания. Вводится разграничение герменевтических процедур на смысловывявляющие, смыслонаделяющие и смыслополагающие, а также разграничиваются такие формы понимания, как истолкование, интерпретация и объяснение. В качестве иллюстрации в работе рассматривается гносеологическая структура исторического исследования. Особое внимание уделяется вопросам о значении теории, а также о соотношении выявленных смыслов и смыслов, полагаемых субъектом для указанных форм понимания. В заключении статьи формулируется критерий разграничения гуманитарного и естественно-научного познания.

Ключевые слова и фразы: понимание; смысл; истолкование; интерпретация; объяснение; смысловывявление; смыслополагание.

Алексей Владимирович Горюнов, к. филос. наук

Кафедра философии

Ульяновский государственный университет

algor74@inbox.ru

Александр Владимирович Никишкин

Кафедра философии

Ульяновский государственный педагогический университет

puchleg@mail.ru

ФОРМЫ И ВИДЫ ПОНИМАНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ[©]

Работа создана при поддержке гранта ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Проблема специфики гуманитарного познания, несмотря на свою уже более чем столетнюю историю, по-прежнему сохраняет свою актуальность. И по сложившейся ещё в XIX в. традиции специфика гуманитарных наук тесно увязывается с процедурой понимания. Термин «понимание» в философии используется в двух

значениях: и как деятельность (процедура) достижения ясности смысла (текста), и как результат этой процедуры - уже достигнутое понимание. Понимание в первом смысле часто обозначается также понятием «герменевтические процедуры». Множественное число здесь вроде бы должно указывать на существование нескольких форм (видов) понимания. Однако в философской литературе мы не находим ответа на вопрос, какие именно процедуры являются герменевтическими. Прояснению этой проблемы и посвящена данная работа.

О разграничении истолкования, интерпретации и объяснения

Понимание текста имеет диалогический характер. Это означает, что в отношении «текст-исследователь» оба полюса являются «источниками» смыслов, что придаёт исследованию текста определённую специфику по сравнению с познанием «безгласных вещей» в естествознании. Отсюда, достигая ясности смысла в отношении текста можно двумя путями - либо выявляя имманентные тексту смыслы, либо приписывая их тексту на основе смыслополагающей деятельности субъекта (исследователя). В первом случае мы будем употреблять термин «истолкование», а во втором - «интерпретация».

На первый взгляд разведение этих понятий может вызвать недоумение, поскольку в дословном переводе интерпретации (лат. *interpretatio*) как раз и обозначает «истолкование», «разъяснение», и, как следствие, эти термины зачастую используются как синонимы. Однако такое возражение было бы сугубо формальным: в науке близкие по смыслу слова нередко получают различное толкование.

Для лучшего уяснения вопроса полезно разграничивать два вида понимающих процедур: смысловывявляющие процедуры (или просто - смысловывявление) и смыслонаделяющие процедуры (смыслонаделение). Смысловывявляющими принято называть такие процедуры, которые направлены на выявление смыслов, заключённых в самом тексте. Текст берётся здесь в герменевтической трактовке, то есть как любая знаковая система, которая несёт в себе смысл. Смыслонаделяющими следует считать такие «познающие» процедуры, которые связаны с привнесением в материал смыслов, которые не заключены в самом объекте, а возникли в результате смыслополагающей деятельности субъекта познания (отсюда, ещё один вид герменевтических процедур - смыслополагание, но об этом будет сказано ниже). Впрочем, возможно, было бы точнее говорить о смысловывявлении и смыслонаделении как об атрибутах определённых герменевтических процедур, характеризующих их основную интенцию, направленность.

Основная интенция истолкования, как очевидно, состоит в смысловывявлении, в то время как в основе интерпретации лежит смыслонаделение. Но это не значит, что истолкование предполагает только наличие выявленных смыслов, а интерпретация имеет дело только с «положенным» смысловым содержанием. В каждой из названных форм понимания присутствуют смыслы обоих видов (и «положенные», и выявленные), хотя и в различном соотношении.

Истолкование не может быть сведено к «чистому» смысловывявлению по следующим причинам. При истолковании для выявления смыслов, содержащихся в тексте, нам необходима так называемая смысловая рамка (термин В. А. Лекторского, употребляемый в связи с учением о теоретической рефлексии) [7, с. 251-272], которая сформировалась до и независимо от данного текста. Эта смысловая рамка нам необходима как средство, или инструмент, выявления смыслов, поскольку, по словам Р. Дж. Коллингвуда, только поместив чужие мысли в собственный смысловой контекст, мы можем их понять [4, с. 287-288]. Она, включая в себя наше знание языка, на котором написан текст, правила и технику перевода, представления о жанре текста и т.д., позволяет нам реализовать потенциал культурной и временной внеаходимости и тем самым понять текст лучше создавшего его автора [1, с. 346-349]. Последнее означает, что мы способны выявить не только явные, но и так называемые неявные смыслы, которые проникли в текст, минуя «фокус сознания» его автора, но тем не менее имманентны ему (тексту).

Отсюда, истолкование, в свою очередь, представлено двумя подформами. Первой из них является герменевтический перевод, то есть выявление смыслов, внесённых в текст замыслом автора и явно им полагаемых. Другой формой истолкования является выявление смыслов, которые не осознаются автором текста и присутствуют в нем неявно, помимо авторского замысла. Эта процедура, как и саморефлексия, предполагает наличие уже упоминавшейся смысловой рамки, которая играет роль контекста осмысления, поскольку, чтобы выявить неявно полагаемые в тексте смыслы, необходимо занять определённую позицию, не выводимую из смыслов (как явных, так и неявных) самого текста. В силу этого мы условно назовём эту процедуру «рефлексией-за-другого», хотя здесь был бы уместен и термин «экспликация». Таким образом, истолкование предполагает наличие «полагаемых» смыслов как способа выхода за пределы смыслов самоописания текста, несмотря на то, что сутью этой процедуры, повторим ещё раз, является смысловывявление, достижение, по возможности, однозначного и общепринятого понимания.

Интерпретация, со своей стороны, не может быть сведена к «чистому смыслонаделению». Акт интерпретации включает в себя три составляющие: концепцию, с позиций которой и осуществляется интерпретация; ранее выявленные посредством истолкования смыслы, в отношении которых, собственно, и проводится акт интерпретации; новый, не существовавший до данной интерпретации, смысл как результат этого акта. Пониманием посредством интерпретации мы как бы осваиваем некоторый материал, делаем его «своим».

Следует также обратить внимание на различную роль полагаемых субъектом смыслов в структуре истолкования и интерпретации соответственно. В рамках истолкования, как уже было сказано, «полагаемые смыслы» служат лишь инструментом смысловывявления и, если так можно выразиться, не «примешиваются» (в идеале) к конечному результату. Здесь их (полагаемые смыслы) можно уподобить катализатору в химии, который влияет на протекание химической реакции, но не входит в состав полученного в результате её

проведения вещества. В рамках интерпретации, напротив, полагаемые нами смыслы вступают во взаимодействие со смыслами, подлежащими интерпретации, и, фигурально выражаясь, входят в состав смыслов, порождаемых этой процедурой. Результат интерпретации - это не сумма, а синтез «наших» смыслов и смыслов изучаемого текста. Именно поэтому переход от выявленных смыслов, подвергаемых интерпретации, к смыслам, полученным по итогам интерпретации, носит необратимый характер.

От истолкования и интерпретации следует отличать объяснение. Однако высказывания о соотношении понимания и объяснения не вполне корректны, поскольку объяснение - это одна из форм понимания. Если считать понимающими (герменевтическими) любые процедуры, способствующие образованию новых (по крайней мере новых *для нас*) смыслов посредством их выявления, полагания, надления ими определённого «сырого» материала и т.д., то к числу таких процедур должно быть отнесено и объяснение. Поэтому в лучшем случае можно говорить о соотношении объяснения и интерпретации.

Формальная структура объяснения в чём-то схожа с формальной структурой интерпретации. Для осуществления этой процедуры необходимы как минимум две «группы смыслов»: вновь установленный факт (или факты, эмпирические обобщения и т.д.), являющийся результатом интерпретации («новое» знание); ранее установленные факты, а также теории, концепции, с позиций которых и будет осуществляться объяснение («старое» знание). Например, в модели объяснения через охватывающие законы, которая была распространена К. Гемпелем и на историческую науку [2], это может быть сопоставлено, соответственно, с экспланандумом («объясняемым») и экспланансом («объясняющим»). Объяснение состоит в установлении между вновь сформулированными и ранее установленными фактами некой связи - причинной, функциональной, структурной, телеологической и т.д. с точки зрения той или иной концепции (учения, теории).

В отличие от интерпретации, в ходе объяснения исходные смысловые единицы («факты») остаются неизменными, сохраняют свою идентичность, а приращение смысла происходит исключительно за счёт установления и удержания связи между ними и ранее полученными (фактическими и теоретическими) знаниями. Отсюда видно, что объяснению должно предшествовать понимание двух видов. Во-первых, необходимы смысловые единицы (факты), между которыми в ходе объяснения и будет установлена связь. Их «поставщиком» является новая интерпретация (для «новых» фактов) или ранее осуществлённая интерпретация (для «устоявшихся» фактов). Во-вторых, объяснению должно предшествовать выдвижение «объяснительных» концепций (теорий, положений), когда содержащиеся в концепции смыслы полагаются как принадлежащие той предметной области, по отношению к которой и формулируется данная концепция. В конечном счёте объяснительная концепция прямо или косвенно восходит к процедуре полагания смыслов.

В контексте сказанного перспективной выглядит концепция объяснения В. А. Канке, предложившего следующее определение: «Объяснить нечто означает непротиворечиво встроить его в трансдукционную структуру науки» [3, с. 60], то есть, говоря упрощённо, согласовать с уже имеющимися (фактуальными и теоретическими) знаниями. На это, правда, можно возразить, что в таком согласовании нуждаются и другие виды научного знания, скажем, теоретические положения. Поэтому необходимо внести одно уточнение: здесь мы подразумеваем объяснение именно фактов. Необходимость встраивания фактов в структуру уже имеющегося знания обусловлена логической независимостью их получения от объяснительной теории, поскольку теория, с позиций которой интерпретируются данные, и теория, посредством которой факт объясняется, - это различные теории или, по меньшей мере, различные части некоторой теоретической системы. У подхода В. А. Канке существует и ещё одно важное преимущество: под предложенное им определение подпадают практически все известные виды (модели) научного объяснения - причинное объяснение, структурное объяснение, объяснения посредством охватывающих законов, «практическое» объяснение (в социально-гуманитарных науках) и т.д. Ещё точнее, предложенное определение раскрывает как бы эпистемологический инвариант этих видов объяснения.

Таким образом, каждая выделенная здесь форма понимания обладает определённой самостоятельностью и «самоценностью». Это проявляется, среди прочего, в том, что результатом каждой из этих процедур является свой, определённый «тип знаний». Результатом истолкования являются данные, результатом интерпретации - факты, результатом объяснения - «объяснённые» факты, а результатом смыслополагания и производных процедур - концепции.

Гносеологическая структура исторического исследования

Проиллюстрируем сказанное на примере исторического исследования. Историческое исследование включает в себя начальный этап, завершающий этап и основную часть. Основная часть исторического исследования, в свою очередь, подразделяется на две фазы - источниковедческую и собственно историческую.

Логически исходным моментом любого исследования является предварительное понимание (предпонимание), возникающее в сознании историка в результате изучения научной литературы, релевантной выбранной теме исследования. Речь идёт о смыслах и конструкциях, заимствованных исследователем в ходе внутринаучной, а часто и общекультурной коммуникации. Именно эти смыслы и конструкции образуют ту «смысловую рамку», в пределах которой будет протекать данное исследование. Такое понимание достигается на начальном этапе исследования в результате того, что принято называть индивидуальным усвоением «готового» знания [12, с. 74-75]. Только после проведения данной работы историк может перейти к изучению самих исторических источников.

На источниковедческой фазе - основной части исследования - историк истолковывает источники, то есть выявляет заключённые в них смыслы. Результатом такого исследования являются не исторические, но

источниковедческие факты. И исторические, и источниковедческие факты, как очевидно, представлены фактофиксирующими высказываниями. Однако если фактофиксирующие высказывания, презентующие исторические факты, «отражают» саму историческую действительность, то источниковедческие фактофиксирующие высказывания повествуют о высказываниях автора источника (или шире - об информации, содержащейся в источнике) по поводу исторической действительности. Хотя источниковедческие факты и не являются знаниями о самой исторической действительности, но они служат исходными данными или, по терминологии Р. Дж. Коллингвуда, основаниями при формулировке историком исторических фактов как таковых [4, с. 261-262]. Иными словами, историк опирается на данные источников при формулировании исторических фактов, но эти данные являются не высказываниями автора источника, а высказываниями самого историка о высказываниях автора источника.

Среди историков всё ещё распространено убеждение, что факты содержатся в источниках, а задача исследователя - просто извлечь их оттуда. Здесь исторический факт рассматривается как «сообщение источника» или, по крайней мере, не любое, а только истинное сообщение. Данная позиция, однако, не согласуется с современной гносеологией. Принять сообщение источника за исторический факт можно только в том случае, если мы рассматриваем историческое познание как пассивную в своей основе процедуру переписывания источников, то есть фактически следуем опровергнутому современной философией позитивистскому идеалу научного (в данном случае - исторического) знания.

По этому поводу в исторической эпистемологии уже не раз выдвигались следующие возражения.

Во-первых, решение об истинности или ложности сообщения выносится историком. Следовательно, мы здесь, так или иначе признавая активность историка, неявно переходим к пониманию исторического факта как факта науки, так как трактуем его (исторический факт) как сообщение источника, прошедшее определенную проверку.

Во-вторых, строго следуя источнику, историк попадает в зависимость от того, что в духе герменевтики принято называть самописанием (исторической) действительности. В этом случае мы уже не можем выйти за пределы смыслового поля эпохи, к которой принадлежит источник, и оказываемся заложниками смыслов, вкладываемых в сообщение автором. Такая история будет уже не столько нашим знанием о прошлом, сколько взглядом людей прошлого на самих себя. Освобождение от такой зависимости возможно лишь через интерпретацию, в процессе которой интерпретатор привносит в материал свои смыслы, часто не сопоставимые со смыслами самоописания и не выводимые из них.

Более того, исторические данные - это также не сообщения источника, а *высказывания ученого* об информации, содержащейся в источнике. При этом «содержащаяся в источнике информация» не тождественна «сообщениям источника», так как первая может содержать положения, не связанные с замыслом автора и даже прямо противоречащие ему. Следовательно, источниковедческий факт также не является непосредственным знанием, напрямую выводимым из источника.

Исторический факт в точном смысле формулируется на следующем этапе, который может быть обозначен как собственно историческое исследование. Такое исследование направлено уже на реконструкцию самой исторической действительности, а не на реконструкцию её самоописания, содержащегося в источниках. Его сутью является интерпретация результатов истолкования источников, т.е. интерпретация исторических данных. Следовательно, исторический факт является не результатом истолкования источников, а результатом интерпретации полученных при истолковании данных. В целом, любой факт, начиная с факта обыденного знания и заканчивая научным фактом, представляет собой не непосредственное знание, но результат интерпретации [9, с. 28].

Получением исторических фактов собственно историческое исследование, как правило, не заканчивается. Вслед за интерпретацией идёт процедура объяснения. При объяснении устанавливается связь данного исторического факта с другими, уже известными, историческими фактами и определёнными теоретическими положениями. Как следствие, факт наделяется новым смысловым оттенком, которого он не имел раньше, что даёт основание считать объяснённые факты особой формой исторического знания наряду с данными и фактами как таковыми, то есть фактами до их объяснения.

Завершает историческое исследование этап, в рамках которого вновь полученное историческое знание сопоставляется с уже существующим знанием. Здесь главная задача историка состоит в относительно непротиворечивом «вписывании» вновь полученных знаний в общую систему исторического знания. На данном этапе определённой корректировке могут подвергаться как вновь полученные знания, так и ранее признанные положения, поскольку новое знание может не только расширять и уточнять эти положения, но и прямо противоречить им.

Таким образом, на фактуальном уровне исторической науки можно выделить, по меньшей мере, три «подуровня»: истолкование источников, интерпретацию данных и объяснение фактов. Результатом каждой из названных познавательных процедур является получение фактуальных исторических знаний определённого типа. Результатом истолкования источников являются исторические данные, результатом интерпретации - исторические факты, результатом объяснения - объяснённые исторические факты.

Теория и понимание: «субъективное» и «объективное» в понимающих процедурах

В своё время в отечественной эпистемологии была популярна проблема соотношения субъективного и объективного в научном познании. С позиций герменевтики она предстаёт как проблема соотношения выявленных и «положенных» смыслов в структуре различных понимающих процедур. Как мы могли убедиться, одной из необходимых предпосылок и истолкования, и интерпретации, и объяснения является наличие

концепций, которые служат «резервуаром» полагаемых субъектом смыслов. Поэтому формы понимания, в результате которых формулируются концепции, мы будем отличать от описанных выше процедур.

Выдвижение концепций имеет несколько вариантов. Частные концепции могут возникать посредством их дедуцирования из концепций большей степени общности. Концепции создаются также через аналогию (экстраполяцию), когда модель из одной области знаний переносится в другую на основе допущения сходства между объектами исследования. Сейчас распространено, например, так называемое эволюционное моделирование, когда биологическая модель эволюции переносится в другие, прежде всего, социально-гуманитарные науки. В позитивизме основным способом формирования научных теорий считалась индукция, поступательное обобщение фактов, но после критики индуктивизма К. Поппером [10] этот способ был поставлен под сомнение. Однако наиболее интересны случаи возникновения концепций, содержащих в себе новые смыслы, которые не могут быть дискурсивно выведены из ранее имеющегося знания. К сожалению, для обозначения этого процесса нет общепринятых терминов, поэтому мы будем использовать, возможно, не совсем удачный термин «смыслополагание».

Современная философия полагание принципиально новых смыслов описывает по аналогии с образованием тропов и определяет как недискурсивную процедуру. В частности, П. Рикёр механизм полагания новых смыслов называет «необычной предикацией». Эта процедура состоит в присоединении к логическому субъекту ранее не соединимого с ним (в рамках сложившегося семантического пространства) предиката. Необычная предикация нарушает устойчивость сложившегося семантического пространства фразы, поскольку простое соединение смыслов входящих в выражение терминов делает его «бессмысленным». Однако синтез названных смыслов восстанавливает нарушенное семантическое пространство через создание нового смысла [11, с. 70-72]. Отечественный философ Ю. М. Лотман высказывает похожую точку зрения, но уточняет, что возникновение новых смыслов («смысловой взрыв») является результатом пересечения различных семантических пространств, своего рода диалога между различными языками [8, с. 26].

Итак, смыслы полагаются учёными в процессе выдвижения теорий. Следовательно, наличие «положенных» смыслов на каждом из выделенных подуровней свидетельствует, что не существует форм исторического познания, свободных от теории. В связи с этим возникает проблема классификации используемых историками теорий в зависимости от того, на каком из выделенных подуровней они используются.

Для решения этой проблемы удобнее всего использовать классификацию теорий, применяемую К. Поппером [10] и И. Лакатосом [6]. С их точки зрения по отношению к данному исследованию можно выделить три группы теорий - «наблюдательные», интерпретативные и объяснительные.

«Наблюдательными» авторы называют теории, которые явно или неявно кладутся в основу проводимых исследователями наблюдений и экспериментов. Например, в основе проводимых астрономами наблюдений за планетами и звёздами лежит (та или иная) оптическая теория, а, скажем, в основе химических экспериментов, требующих определённых измерений и расчётов, лежит теория о весе атомов чистых химических элементов.

Интерпретативными принято называть теории, с позиций которых интерпретируются полученные в «опыте» данные и, как следствие, «превращаются» в факты. Например, данные, полученные в результате проведения широко известного в истории науки эксперимента по нагреванию красной окиси ртути, интерпретировались учёными того времени, по меньшей мере, с точки зрения двух теорий - теории флогистона и кислородной теории. В первом случае полученный в результате эксперимента газ был отождествлён с закисью азота, а во втором - с кислородом [5, с. 84-85]. Отсюда видно, что одни и те же данные могут служить основой для формулирования различных фактов в зависимости от того, какая теория здесь используется в качестве интерпретативной.

Наконец, объяснительными именуются те теории, которые в рамках данного исследования используются для объяснения уже сформулированных, «готовых» фактов. Например, механика Ньютона способна объяснить, почему именно планеты вращаются вокруг Солнца, а не наоборот.

Можно с высокой долей уверенности утверждать, что данная классификация теорий применима и к исторической науке. С учетом этого мы можем предложить следующее описание основных процедур исторического исследования.

На уровне истолкования источником выявленных смыслов являются тексты исторических документов, а источником положенных смыслов - теории, которые в естествознании назвали бы «наблюдательными», а применительно к исторической науке, учитывая её специфику, можно называть также герменевтическими. Сюда относятся источниковедческие концепции, повествующие об особенностях той или иной группы источников, знание языка, на котором написаны подлежащие исследованию тексты, принципы и правила истолкования текстов и тому подобное. Сюда же могут быть отнесены и некоторые теории, имеющие естественно-научное происхождение, на основе которых в исторической науке осуществляется, в частности, датировка археологических находок.

На этапе интерпретации объективный момент представлен данными, которые презентуют здесь смысловывявляющие процедуры, хотя и в «снятом» виде, а субъективный момент - интерпретативной теорией, с позиций которой и будет интерпретироваться данные. Объективность фактов как результата переработки данных обуславливается двумя моментами «происхождения» последних. Во-первых, в рамках истолкования полагаемые с позиций герменевтических теорий смыслы в идеале не должны «примешиваться» к данным как конечному результату этой процедуры, а используются лишь как средство для выявления смыслов, заключённых в самом тексте. Во-вторых, герменевтические теории, являющиеся источником смыслополагания при истолковании, описывают не объект, подлежащий исследованию, и вообще не объект познания исторической науки (историческую реальность), а то, что в данном случае может быть названо средствами познания. В силу этого данные презентуют исторический источник как фрагмент самой исторической

реальности, а не наши представления о ней. Субъективность фактов также обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, интерпретативные теории, с позиций которых интерпретируются данные, описывают саму историческую реальность, т.е. наши представления о ней. Во-вторых, смыслы, полагаемые интерпретативными теориями, «соучаствуют» в продуцировании фактов, «примешиваются» к конечному результату. Таким образом, процесс интерпретации развёртывается между двумя полюсами - вновь полученными высказываниями историка о содержании источника и априорными, сформировавшимися до и независимо от данного исследования теоретическим видением исторической реальности или её фрагмента.

Наконец, объяснение представляет собой «взаимодействие» так называемой объяснительной теории, презентующей субъективный, смыслополагающий момент этой процедуры, и «готового» исторического факта, который на этом этапе обеспечивает объективную составляющую познавательных действий историка. «Удачное» объяснение факта с точки зрения данной теории имеет двойное значение. Во-первых, это означает, что данный факт может быть успешно вписан в исходную концепцию и поставлен в определённое отношение к некоторым другим фактам. Во-вторых, это означает, что исходная концепция нашла дополнительное «эмпирическое» подтверждение. Любого рода рассогласование факта и объяснительной концепции, в свою очередь, подталкивает к одному из двух возможных действий. В этом случае историк должен либо отбросить вновь полученный факт (посредством ревизии интерпретативной теории или через повторное истолкование источников), либо отказаться от используемой объяснительной теории. Таково нормативное требование. Но на практике существуют и менее строгие варианты: либо согласовать факты и объяснительную теорию посредством гипотез *ad hoc*, либо вообще отложить разрешение этого противоречия до лучших времён.

О критерии разграничения естественных и гуманитарных наук

Предложенная здесь концепция, на наш взгляд, проливает свет и на вопрос специфики гуманитарных наук.

Процедура понимания присутствует как в гуманитарном, так и в естественно-научном познании. Однако в чём состоит различие между этими группами наук? Поиск такого критерия мы начнем с указания на различие функций, которые может выполнять процедура понимания в процессе научного познания. В зависимости от этой функции имеет смысл выделять два вида понимания - «коммуникативное» и «познавательное».

Коммуникативное понимание состоит во взаимном согласовании учеными смыслов, относящихся к предмету познания. Этот вид понимания коренится в необходимости внутринаучной и - шире - общекультурной коммуникации, а значит - в специфике субъекта познания. В силу этого данный вид понимания следует определить как субъектно обусловленный («субъективный»). Этот вид понимания состоит в достижении исследователями определенных конвенций, которые делают возможным диалог (коммуникацию) между отдельными исследователями, между научными школами и направлениями, а также между различными поколениями ученых. Очевидно, в обеих группах наук мы имеем дело с одним и тем же субъектом, и, следовательно, коммуникативное понимание должно иметь в них одинаковую структуру.

Познавательным пониманием мы называем герменевтические процедуры, направленные на сам объект познания. Этот вид понимания коренится в специфике объекта познания и, следовательно, может быть определен как объектно обусловленный («объективный»). Поскольку природа, в отличие от социальной реальности, сама по себе не заключает в себе смыслов, постольку познавательное понимание для названных групп наук не может быть одинаковым по объективным причинам.

Таким образом, мы можем констатировать, что если коммуникативное понимание, обусловленное спецификой субъекта познания, протекает более или менее сходным образом в обеих группах наук, то познавательное понимание, обусловленное особенностями объекта познания, в естественных и в гуманитарных науках существенно различается. В чём же заключается такое различие?

Если говорить о коммуникативном понимании, то здесь нет принципиальных различий между названными группами наук. И в том и в другом случае коммуникативное понимание имеет одинаковую структуру. Во всех науках оно включает в себя истолкование и последующую интерпретацию результатов истолкования. Необходимость истолкования в рамках коммуникативного понимания основана на том, что, прежде чем согласиться или не согласиться с мнением других авторов по интересующему нас вопросу, мы должны просто (по возможности адекватно) понять их точку зрения, которая, разумеется, представлена в текстах. Необходимость интерпретации в рамках коммуникативного понимания, со своей стороны, обусловлена необходимостью для учёного «встать в определённое отношение» к позиции своих коллег и сформулировать свою собственную позицию по изучаемому вопросу. Несложно заметить, что нечто подобное имеет место при подготовке к исследованию во всех науках.

Различие между естественно-научным и гуманитарным знанием выражается в различии структуры познавательного понимания. Только в структуре познавательного понимания гуманитарных наук присутствует процедура истолкования, направленная на сам объект познания. Говоря по-другому, в этих науках процедура истолкования используется не только в рамках коммуникативного, но и в рамках познавательного понимания. В противоположность этому в познавательном понимании естественных наук истолкование отсутствует.

Однако последнее не следует толковать в том смысле, что объект естественных наук никак не осмысливается. Речь идет лишь о том, что в природе (как объекте познания) смыслы изначально не заключены. Однако верно и то, что процедуре интерпретации должна предшествовать некоторая процедура, которая «поставляла» бы смыслы, подлежащие последующему интерпретационному осмыслению. Такой процедурой, как уже было сказано, является полагание смыслов: природе (как объекту познания) смыслы первоначально *приписываются* субъектом познания. Это происходит в процессе выдвижения естественно-научных теорий.

Таким образом, мы можем сформулировать критерий различения гуманитарного и естественно-научного познания: если в естествознании познавательное понимание носит смыслополагающий характер, то в гуманитарных науках оно (познавательное понимание) имеет смысловывявляющую направленность. Именно это, на наш взгляд, следует понимать под диалогичностью, если этим термином обозначать свойство, отличающее гуманитарные науки от наук естественных: это не просто метод вопрошания, но метод вопрошания в его сочетании со смысловывявляющими процедурами, адресованными самому объекту познания.

Список литературы.

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Гемпель К. Г. Функция общих законов в истории // Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 17-31.
3. Канке В. А. Философия менеджмента. М.: КНОРУС, 2010. 392 с.
4. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. С. 9-268.
6. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. С. 269-454.
7. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 359 с.
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб., 2000. С. 12-148.
9. Маргынвич С. Ф. Факт науки и его детерминация. Саратов: СГУ, 1983. 183 с.
10. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избранные работы. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
11. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: московские лекции и интервью. М.: Академия, 1995. 160 с.
12. Хвостова К. В., Финн В. К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М.: Наука, 1995. 176 с.

FORMS AND TYPES OF UNDERSTANDING IN CLASSICAL COGNITION: TYPOLOGY EXPERIENCE

Aleksei Vladimirovich Goryunov, Ph. D. in Philosophy

*Department of Philosophy
Ul'yanovsk State University
algor74@inbox.ru*

Aleksandr Vladimirovich Nikishkin

*Department of Philosophy
Ul'yanovsk State Pedagogical University
puchleg@mail.ru*

The article considers the role of understanding procedures in the structure of scientific and, first of all, classical cognition. Hermeneutical procedures are considered as sense-revealing, sense-giving and sense-supposing ones and also such understanding forms as elucidation, interpretation and explanation are singled out. As the illustration the author considers the gnosiological structure of historical research. Special attention is paid to the questions of theory meaning and also of the correlation of the revealed senses and the senses supposed by the subject for the mentioned understanding forms. In conclusion the criterion of distinguishing between classical and natural-scientific cognition is formulated.

Key words and phrases: understanding; sense; elucidation; interpretation; explanation; sense-revealing; sense-supposing.

УДК 1(075.8)

В статье исследуется либеральная методология управления обществом. Данная методология обоснована идеей верховенства светской власти над властью духовной. Показано, что либерализм изначально может выступать в качестве теоретического обоснования верховенства светской власти над властью духовной, затем - в качестве методологии управления обществом, направленной на расширение степеней свободы светской власти и её агентов.

Ключевые слова и фразы: либерализм; неоминализм; управление обществом; светская власть; духовная власть.

Дмитрий Евгеньевич Григоренко, к. филос. н.

Кафедра философии и социальных наук

*Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнёва
vivare@mail.ru*

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ®

Методологии управления обществом реализуются управляющими социальными институтами (институтами светской и духовной власти), раскрывающими определённые типы управленческой институциональности. На основе принципов социальности и принципов соответствующей модели мира создаётся тот или иной